

ПРИЧИНЫ ПОЯВЛЕНИЯ И РОСТА ПОЛИТИЧЕСКОГО ИСЛАМА НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Аскар
БАТТАЛОВ*

докторант Института Дипломатии Академии Государственного
Управления при Президенте Республики Казахстан, Нур-Султан,
Казахстан, askar_2805@mail.ru

DOI: 10.52123/1994-2370-2022-634

УДК 28

МРНТИ 21.15.47

Аннотация. Статья посвящена изучению формирования интеллектуальной основы и геополитических условий для появления и роста политического ислама на Ближнем Востоке во второй половине XX века. Сравнительно-эмпирический анализ формирования политического ислама на конкретных исторических этапах указывает на наличие причинно-следственной связи между колониальной и постколониальной политикой европейских стран, политикой социалистических и националистических режимов, конкуренцией между региональными лидерами в борьбе за пальму первенства в исламском мире и ростом политического ислама, а также более радикальных течений. В данной статье рассмотрены два фактора появления и роста политического ислама на Ближнем Востоке: 1) колониализм и постколониальные панарабистские режимы на Ближнем Востоке как причины возникновения интеллектуальной основы для политического ислама и 2) политический ислам в рамках панисламизма и противостояния Ирана и Саудовской Аравии.

Ключевые слова: политический ислам, колониализм, исламистские теоретики, панарабизм, панисламизм, шиизм и суннизм, арабская весна.

JEL коды: F42, N45, Z12, Z28.

Аңдатпа. Мақала XX ғасырдың екінші жартысындағы Таяу Шығыстағы саяси исламның пайда болуы мен өсуінің интеллектуалдық негізі мен геосаяси жағдайларының қалыптасуын зерттеуге арналған. Нақты тарихи кезеңдерде саяси исламның қалыптасуын салыстырмалы эмпирикалық талдау еуропалық елдердің отаршылдық және кейінгі отаршылдық саясаты, социалистік және ұлтшылдық режимдердің саясаты, аймақтық көшбасшылар арасындағы күресте себептік байланыстың бар екендігін көрсетеді. Ислам әлеміндегі пальма және саяси исламның өсуі, сонымен қатар радикалды ағымдар. Бұл мақалада Таяу Шығыста саяси исламның пайда болуы мен өсуінің екі факторы қарастырылады: 1) саяси исламның интеллектуалдық негізінің пайда болу себептері ретінде Таяу Шығыстағы отаршылдық және постколониалдық жалпыарабтық режимдер және 2) саяси Панисламизм және Иран мен Сауд Арабиясы арасындағы текетірес аясындағы ислам.

Түйін сөздер: саяси ислам, отаршылдық, исламшыл теоретиктер, панарабизм, панисламизм, шиизм және суннизм, араб көктемі.

JEL кодтар: F42, N45, Z12, Z28.

Abstract. The article is devoted to the study of the formation of the intellectual basis and geopolitical conditions for the emergence and growth of political Islam in the Middle East in the second half of the twentieth century. A comparative empirical analysis of the formation of political Islam at specific historical stages indicates the existence of a causal relationship between the colonial and post-colonial policies of European countries, the policies of socialist and nationalist regimes, the competition between regional leaders in the struggle for the palm in the Islamic world and the growth of political Islam, and also more radical movements. This article examines two factors in the emergence and growth of political Islam in the Middle East: 1) colonialism and post-colonial pan-Arab regimes in the Middle East as the reasons for the emergence of an intellectual basis for political Islam and 2) political Islam within the framework of pan-Islamism and confrontation between Iran and Saudi Arabia.

Keywords: political Islam, colonialism, Islamist theorists, pan-Arabism, pan-Islamism, Shiism and Sunnism, Arab Spring.

JEL codes: F42, N45, Z12, Z28.

Введение

Корни политического ислама так же стары, как и само появление исламской общины. В первые же месяцы после смерти Пророка Мухаммеда в

новообразованном исламском государстве стали формироваться отдельные группы мусульман, будучи несогласными по тем или иным причинам с выборами лидера – халифа.

* Автор для корреспонденции: А. Батталов, askar_2805@mail.ru

В период существования Умейядского и Аббасидского халифатов, а также и в более поздний период исламская мысль менялась трансформировалась и разделялась в зависимости от многих аспектов на основные две ветви – суннитскую и шиитскую, на шариатские школы – мазхабы и на суфистские течения – тарикаты. Однако, на протяжении двенадцати столетий огромное количество религиозных дебатов не сформировалось в независимую исламскую политическую науку, и исламские мыслители не заходили так далеко, чтобы разрабатывать инструменты для определения и защиты личных политических и гражданских прав, публичных свобод или для разделения властей, так как исходила из религиозно-политических традиций средневековых ближневосточных государственных теократических монархических образований (халифатов, султанатов, эмиратов), правовая система которых основывалась на шариате и местном обычном праве. Да и в самой Европе правовые, политические и экономические постулаты либеральной модели, сформировались лишь к 18 веку, а реализовались только с падением монархических режимов к двадцатому столетию. Собственно говоря, современная концепция реинсталляции ислама в общественной жизни и рассмотрение политики как подлинной части религии была разработана исламскими мыслителями сравнительно поздно, и формировалась с конца 19 века и по 1980-е годы. В основе своей они руководствовались поисками идеологического противостояния грубой колониальной политике Европейских держав на Ближнем Востоке, а затем оппонированием идеям постколониальной волны светских националистических и социалистических режимов (Mandaville, 2007, pp. 24-48).

По мнению мыслителей-исламистов, таких как Сайид Кутб и Абу аль-Маудуди, неуклонный упадок мусульманского мира и рост гегемонии Запада связаны с ростом популярности европейских светских идей и отходом элит от традиционных мусульманскому Востоку основ ислама (Faksh, 1997, pp. 4-

19). В соответствии с их мнением, чтобы положить конец таковому упадку, единственным решением являлось возвращение к религиозным истокам как в правовом, так и в политическом аспекте (Faksh, 1997, pp. 4-19).

В этой статье будут рассмотрены наиболее важные причины роста политического ислама на Ближнем Востоке и проанализированы такие значимые факторы, как появление интеллектуального базиса для политического ислама на основе борьбы с западными ценностями в колониальную эпоху Европейских держав и в период постколониальной эпохи националистических режимов, а также панисламизм Ирана и Саудовской Аравии.

Материалы и методы

Методологической основой для исследования были следующие методы: сравнительный, эмпирический, исторический, логический, контент анализ, ивент анализ. В исследовании были использованы научные и аналитические книги и интернет издания, а также научные статьи периодических изданий. В частности, были использованы хрестоматийные книги по истории и политике Ближнего Востока таких авторов, как Mandaville P., Cleveland W. L. и Bunton M.A., Marshall C. и Brown L.C., Keddie, Nikki R. и Richard Y. Более того, были использованы материалы известных арабских и иранских авторов, специализирующихся на изучении религиозной идентичности и конфессиональных конфликтов: Al-Rahim A.H., Faksh M.A., Mussalam A.A., Soltani F. и Amini R. Также были применены труды французских, испанских и английских авторов-востоковедов, посвятивших свою исследовательскую деятельность изучению специфической культурной сферы влияния ислама: Kepel G., Lapidus I.A., Euben R.L., Pargeter A., и Esposito J.L.

Колониализм и постколониальные режимы на Ближнем Востоке как причины возникновения интеллектуальной основы для политического ислама

Как прекрасно выразился Жиль Кепель: «Современная исламистская

идеология материализовалась не на пустом месте. Она возникла внутри традиции, из которой она заимствовала и преувеличивала одни элементы, преуменьшая другие» (Kerel, 2002, p. 24). Одно из основных объяснений исламизма — это ответ на колониальную и имперскую гегемонию Европейских держав. Подобно национализму, исламизм является выражением освобождения от прямого военного контроля Западом исламского мира, а затем и от косвенного контроля в постколониальный период (Mandaville, 2007, pp. 24-48). Даже в период второй половины 20-го века и по сегодняшний день присутствие западного господства, контроль или поддержка марионеточных и авторитарных режимов, и самое главное, поддержка Израиля, несмотря на его политику в отношении Палестины, все это явилось причинами антизападных настроений и продолжает подпитывать и вдохновлять последователей политического ислама по всему Ближнему Востоку.

Крах в 1924 году Османской империи был настоящей геополитической катастрофой для всего исламского мира. Рухнула панисламская система халифата, народы, входившие в политическое пространство некогда могущественного государства, всегда ощущали, общую религиозную идентичность и принадлежность к умме — мусульманской общине. Но с процессом вестернизации элиты и общества, а затем турецкого и арабского националстроительства, духовенство, мыслители-традиционалисты и консерваторы, идеи которых в дальнейшем сыграют ключевую роль в обосновании политического ислама, мгновенно начали реагировать и оппонировать новым либеральным веяниям с Запада. Вместе с тем, разрушение единого ориентира в исламском мире — последнего халифата, разворошило глубокие коллективные раны, создало дезориентацию в обществе, обнажило спящие межнациональные и межрелигиозные конфликты, умма экзистенциально нуждалась в идеологической опоре и новом маяке со старыми смыслами. И после испытания на себе всех лишений и

унижений, призывы исламских движений предложили мусульманскому миру некую зону морального комфорта — надежду на то, что слава предков прошлого может восстать из пепла. Аналогичное чувство сожаления о прошлом и реваншизма, охватывало также целые поколения немцев и австрийцев, после поражения в Первой мировой войне, так как они были воспитаны на истории величия Германской и Австро-Венгерских империй. Эффект исторической памяти сожаления не оригинален и всегда повторяется, сегодня такому явлению подвержено население Российской Федерации, после распада СССР, оно обуреваемо острой ностальгией по блестящему прошлому как Российской, так и Советской империй.

Таким образом, спекулируя ностальгическими и реваншистскими чувствами, но используя привлекательность религиозной доктрины ислама как объединяющей силы против разрушительной фрагментации, а также как интеллектуальную и всеобъемлющую систему, способную сохранить групповую религиозную идентичность, исламизм стал своевременным и мощным средством мобилизации (Esposito, 1992, pp. 45-73).

Wictorowicz (2004) утверждает, что исламский активизм является одним из самых распространенных в мире, а эксплуатация ислама в различных движениях — на протяжении веков наиболее действенным идеологическим и пассионарным инструментарием.

Также необходимо обратить внимание на то, что эпоха европейского колониализма на Ближнем Востоке оставила множество, конфликтов с непрекращающимися кровопролитными войнами и революциями, эскалация которых происходит до сих пор. Великие географические зоны исламского цивилизационного фактора были вовлечены в корыстные и алчные мандатные игры европейских держав: это прежде всего территория Османской, Сефевидской империй и государства Великих Моголов. На землях последних, благодатно приправленных колониальным прошлым Британской империи, и повстанческими

антиколониальными движениями зародились политические и религиозные центры с расколом на индуистские и мусульманские общины, что в конечном итоге привело в 1947 году образованию Пакистана как отдельного от Индии государства. Итогом противостояния на основе религиозных идентичностей индуизма и ислама явилось образование болезненного нарыва в виде кашмирского конфликта.

Упадок Османской империи был ускорен британским разжиганием восстания арабских виллаев во время Первой мировой войны. Победа союзников Антанты привела к разделу Плодородного полумесяца в их интересах и к появлению таких государств как Ирак, Иордания, Сирия, Ливан и Палестина (Cleveland, 2013, pp. 53–137, 159–344).

Их границы во многом определялись интересами Великобритании и Франции, что априори закладывало ряд геополитических мин современного мусульманского мира. Британский мандат в Палестине открыл двери для реализации Декларации Бальфура 1917 года, которая предусматривала создание национального очага для евреев в Палестине (Cleveland, 2013, pp. 53–137, 159–344). Другим последствием стала предоставленная Ибн Сауду возможность при поддержке пуританского движения ваххабитского течения создать Королевство Саудовская Аравия. В Ираке, сознательно, при шиитском большинстве, к власти приведено было суннитское меньшинство. В Сирии же наоборот, со временем, было поддержана власть алявитов шиитского направления, при огромном большинстве в стране мусульман суннитского направления. Все эти события просто должны были породить новые течения исламской мысли среди мусульман и пересмотреть их отношение к Западу.

Первым и наиболее значительным из этих откликов было так называемое реформистское движение, инициатором которого выступили Джамал ад-Дин аль-Афгани (1838–1897), находившийся в Индии во время восстания против колониальной политики Британской империи, и египтянин Мухаммад Абдо (1849–1905 гг.). Резонанс этих движений трудно переоценить, они имели влияние

во всем исламском пространстве того времени, от Касабланки до Батавии (Джакарты) (Lapidus, 2002, p. 516–519).

Их можно было бы обозначить как горячее желание активистов вывести мусульманские народы из прошлого в современный мир, но на равных партнерских началах с западом и против их господства.

Реформистские взгляды Аль-Афгани и Мухаммада Абдо заключались в том, что они предлагали рассматривать аутентичный ислам сквозь призму рациональной религии в исламской интеллектуальной истории и юриспруденции на протяжении веков в рамках давней традиции таджида (обновления) и ислаха (реформы) (Euben, 2006, p. 301).

Мусульманские богословы и ученые всегда уделяли особое внимание исламской политической теологии со времен зарождающихся исламских государств до падения Османской империи и создания современного турецкого светского национального государства Мустафой Кемалем Ататюрком (1881–1938) в 1923 г. Год спустя после своего правления Ататюрк упразднил институт халифата, что рассматривается как нанесение универсальной травмы для исламистов всего мира (Al-Rahim, 2011).

С исчезновением единого исламского политического центра в 1924 году религия и государство были официально разделены. В ответ на это в 1928 году в Египте была рождена организация «Братья-мусульмане» (аль-Ихван аль-Муслимин). Интеллектуальная база и концепция этой организации продолжает служить идеологическим источником практически для всех современных исламистских движений (Pargeter, 2010, pp. 15–22). «Братья-мусульмане» были основаны легендарной, и даже где-то мистической фигурой в исламском мире - Хасаном аль-Банной (1906–1949). Как и аль-Афгани, аль-Банна стремился к реформам, но следовал консервативным и несколько пуританским путем, основанным на более буквальном следовании основополагающим источникам ислама (Коран и Сунна Пророка Мухаммеда). В качестве решения проблем мусульман, он

верил в восстановление истинного халифата и применение исламского закона в управлении, но не по лекалам Османского халифата, а в соответствии с наследием Первого халифата времен сподвижников Пророка Мухаммеда (*Pargeter, 2010, pp. 15-22*). Чтобы добиться этого, он сосредоточился на нравственном воспитании молодого поколения с фокусом на глубинной интерпретации Корана, как ключевом элементе достижения цели. Программа политических взглядов аль-Банна была богата духовностью и подразумевала интенсивность внедрения реформ, а по некоторым вопросам поддерживала исламский авторитаризм, и даже в целях объединения уммы оправдывала интервенцию. Позиция Хасана аль-Банна о полной исламизации политической и общественной жизни уммы исходила из гипотезы, что возрождение религии – это единственное решение проблем политической слабости, избавления от оков западного империализма и победы мусульман в арабо-израильском конфликте. Однако, несмотря на радикальный характер своего послания, аль-Банна, по сравнению с более поздними исламистскими идеологами, рассматривается умеренным лидером мнения, и его агрессия была направлена только на действия правительств, дискредитирующих ислам и нарушающих права верующих.

С начала 20-го века аналогичные и параллельные интеллектуальные процессы происходили и в Южной Азии. Существует пестрая история религиозных и политических освободительных движений в борьбе против британского колониального правления. Одним из ярчайших таких лидеров был Мохаммед Али-Джинна (1876-1948), который привел мусульман к обостренному осознанию своей религиозной идентичности и независимому от Британской империи субконтиненту. Далее, Али-Джинна сыграл ключевую роль в отделении территориального густонаселенного исламского населения от индуистского пространства полуострова и образовании в 1947 году нового государства Пакистан (*Schimmel, pp. 237–243*).

Определенно, также архи важной фигурой на субконтиненте был Абу аль-

Мадудди (1903-1979), который в 1941 году основал знаменитое движение «Джамаат-и Ислами». В соответствии с политической философией Мадудди мусульмане представляют собой не национальное образование по признакам нациостроительства европейских теорий о государстве и праве, а скорее джамаат – сообщество, объединенное религиозной идентичностью. По его мнению, секуляризм, демократия и национализм являются корнями, разъедающими сущность исламской идентичности, и источниками всех бедствий на всем многострадальном пространстве исламской общины. Он утверждал, что Пакистан в представлении Али-Джинны, который был приверженцем всех атрибутов нациостроительства – является языческим государством, и в основе своей не может быть исламским (*Schimmel, pp. 237–243*). Его видением было установление теодемократии, в которой Аллах Всевышний является единственным законодателем, и управляется пространство всем сообществом мусульман в соответствии с шариатом. Являясь твердым сторонником шариатских наказаний, организация «Джамаат-и Ислами» оказывала постоянное давление с целью введения строгих исламских положений в конституцию Пакистана. Видение Мадудди представляло собой начальный этап радикализации мусульманской политической мысли, смещение теоретического умеренного применения шариата аль-Банной в сторону мало компромиссной и жесткой интерпретации исламского права.

Мысли Мадудди оказали значительное впечатление на другого ярчайшего египетского исламиста своего времени Сайида Кутба (1903-1966), которому суждено было продолжить идеологию и стать наиболее влиятельным и радикальным из всех исламистских мыслителей 20-го столетия. Кутб унаследовав учение Мадудди, развил его идеи в направлении интерпретации джихада и осуждения куфра - неверия в Аллаха (атеизм), и принципов вынесения такфира – обвинения в неверии. В соответствии с его предложенной концепцией, регионы, где распространено неверие,

предлагается рассматривать как территорию войны (дар аль-хабр) и, следовательно, обязанность каждого правоверного сражаться на этой земле с неверными (*Mussalam, 2005. pp. 137-166*).

Важно отметить, что Кутб описывает каждого мусульманина как обладателя универсального исламского гражданства, которое выходит за рамки племенных, этнических, национальных и языковых разделений, иными словами он ставит религиозную идентичность во главу угла. В итоге, радикальный характер его идей, харизма и отчаянное противостояние националистическому режиму в Египте, приведет его в конце концов к попытке организации покушения на убийство Президента Египта Джамалю Абдула Насера. Саид Кутб между идеями панарабизма, социализма и язычеством проводил аналогию и считал это естественно куфром и великим грехом. Президент Насер объявил его врагом государства, и после многих лет тюремного заключения и пыток, Кутб в 1966 году был предан смертной казни через повешение.

Тем не менее, несмотря на многолетнее заключение, он смог значительно преобразовать религиозную и социальную программу «Братьев-мусульман», создать концептуальное обоснование такфира (обвинение в неверии) и джихада в современных условиях, необходимости гибкости в борьбе за политическую власть, вдохнуть пассионарность путем радикализации ее адептов, превратив, таким образом, это движение в реальный оппозиционный политический и мощный спрут с щупальцами по всему Ближнему Востоку. Идеи Саида Кутба до сих пор занимают главенствующее положение в обосновании джихада в современном мире. Данная интеллектуальная база позднее вдохновила и породила ряд крайне радикальных подгрупп этой организации. Далее метаморфозы его идей стали подхватываться и развиваться уже откровенно террористическими и экстремистскими организациями, например, такими как «Аль Каида», с ее одиозным лидером Усамой бен Ладеном, а также ИГИЛ, под руководством Абу Бакра аль-Багдади.

Следует отметить, что развитие

исламистской политической идеологии происходило не только посредством реакции на колониальную политику Запада и на репрессивную политику националистических и социалистических арабских государств, но также и в следствие политического провала данных баасистских режимов.

В период нестабильности и неопределенности после окончания Второй мировой войны, арабские государства, большинство из которых находились под властью по существу светских правительств, оказались не способными обеспечить инклюзивной политической культуры и не добились каких-либо успехов на социально-экономическом уровне. Идея панарабизма в грандиозно задуманной Нассеритской Объединенной Арабской Республике и последующих правительствах партии Баас в Сирии и Ираке не смогла привести арабский мир к единству и процветанию. Но как отметил Cleveland (2013) самым болезненным и удручающим фактором для арабского населения было поражение их стран в войнах с Израилем, Бааситские националистические режимы оказались бессильными в решении многострадального палестинского вопроса. Таким образом, образовалась пустота и глубокое разочарование в обществе, особенно среди молодежи. Этим непременно воспользовались исламисты, их призывы вновь стали обретать актуальность и заполнять идеологический вакуум. Все это послужило серьезным толчком для выведения в публичное пространство такого многогранного социально-религиозного явления, как политический ислам.

Вместе с тем, религиозная идентичность, которая стала средством мобилизации протестных настроений в Египте, была успешно эксплуатирована в Иране, но уже в рамках шиитского возрождения и революции 1979 года.

Политический ислам в рамках панисламизма и противостояния Ирана и Саудовской Аравии

Сегодня религия играет ведущую роль во внешней политике Ирана. Схоластики этой страны связывают

происхождение политического ислама непосредственно с жизнью самого пророка Мухаммеда. Вместе с тем, возрождение политического ислама в Иране произошло на фоне политических и религиозных контрастов 1950-70-х годов, и обрело силу после Исламской революции 1979 года.

В 1925 году Реза-хан отверг 131-летнюю династию Каджаров и установил династию Пехлеви. Но в 1951 году после Второй мировой войны, партия Тудэ на новой либеральной волне приходит к власти во главе с Мохаммедом Моссадыком и решают национализировать нефтяную отрасль Ирана. Данный казус приводит к устранению Моссадыка американскими спецслужбами, США поддерживают и восстанавливают династию Пехлеви в лице Мохаммада Реза Шаха Пехлеви (*Bruno, pp. 2-3, 2008*). Как утверждает Brown (2004), Иран при монархии был, в конечном счете, державой статус-кво и служил точкой стабильности для Запада в Персидском заливе.

Однако, шах стал проводить последовательную политику подавления исламистов Ирана, он всячески имитировал политику Мустафы Кемалю Ататюрка, выстраивая упор не на религиозную, а на национальную идентичность, что в глубоко консервативном обществе стало вызывать огромное недовольство. Более того, правлением шаха были недовольны как исламисты, так и социалисты. К 1979 году это недовольство вылилось в революцию, вынудив шаха бежать. Как следствие, аятолла Рухолла Мусави Хомейни вернулся в Иран из изгнания во Франции. Однако большую часть своего 14-летнего изгнания он провел в благословленном шиитами городе Наджаф, Ирак (*Marschall, 2003, p. 45*).

После утверждения своей власти, Хомейни силой оттеснил членов партии Туде и другие партии, которые вначале революции были в союзе с исламистами, он их использовал в целях свержения шахского режима (*Bruno, pp. 2-3, 2008*). В Египте в 2011 году в период проведения Арабской Весны, аналогичным образом «Братья мусульмане» воспользуются всеми либеральными силами, ни брезгуя никем, в целях свержения режима Хосни

Мубарака, затем оттеснят от властного олимпа всю демократическую общественность.

Революция 1979 года вывела на арену шиитский политический ислам во главе с лидером Аятоллой Хомейни и способствовала созданию Исламского государства, возделенной цели всех исламских партий. К аналогичному результату стремились и «Братья мусульмане» в Египте, поэтому вначале в 1979 году эту революцию они восприняли с воодушевлением. Однако, были вскоре разочарованы, так как Хомейни сделал ставку в деле экспорта «Исламской революции» на мобилизацию только шиитского пространства в интересах Ирана, и к тому же на основе культивирования ненависти и всяческого оппонирования к суннитской ветви ислама, что естественно шло вразрез с фундаментальной суннитской идеологией «Братьев мусульман».

Такой подход значительно изменил внешнюю политику Тегерана. Шиитский ислам в основе религиозной идентичности Ирана стал символизировать государственную политику страны на внешней арене (*Soltani, Amiri, p. 199, 2010*). Хомейни, в целях мобилизации шиитского пространства Ближнего Востока, определили врагом Ирана - Королевство Саудовской Аравии, являющегося давним геополитическим соперником в Персидском Заливе. Одиозный клерикал обвинил аравийских монархов в нарушении истинных исламских традиций относительно соблюдения ими принципа династичности и титулатуры европейского звания – король, а также в пособничестве с «главным сатаной – США». Это было сигналом к началу новой шиито-суннитской холодной войны на Ближнем Востоке (*Kepel, 2009, pp. 61-80, 300-322*). По факту, Аятолла Хомейни бросил вызов легитимности монархии и лидерству в исламском мире Саудовской Аравии.

Таким образом, эти события стали триггером к другому значительному явлению – культивированию аравийским Королевством суннитского панисламизма в виде беспрецедентного распространения в регионе, а затем и по миру на прибыль от нефтяных доходов –

идеологии салафизма. Саудовская Аравия вынуждена была сформировать идеологический отпор экспорту шиитской исламской революции. Этот феномен получил затем название – петроислам, так как события сопровождались значительным нефтяным бумом 1970-80-х годов.

Саудовская Аравия в период с 1979 по 1995 годы финансировала все локальные и гибридные войны с фактором участия мусульман-суннитов. Этот период ознаменовался эрой классических джихадов: Афганистан, Таджикистан, Босния, Чечня. Кроме того, Саудовская Аравия финансово поддерживала Ирак в затяжной войне против Ирана с 1979 по 1989 гг., а также оказывала посильную помощь исламским боевикам, принимавшим участие в Карабахском конфликте в поддержку Азербайджана с 1992 по 1994 гг. (*Kerel, 2009, pp. 61-80, 300-322*).

В целом период острого соперничества Ирана и Саудовской Аравии можно обозначить двумя крупными этапами: первый - с 1979 по 1989 гг., второй с 2003 г. по настоящее время. В свою очередь Второй этап можно разделить на две фазы: с 2003 по 2011 и с 2011 по настоящее время.

В целях пояснения данной периодизации необходимо отметить, что после смерти Хомейни в 1989 году градус соперничества пошел на понижение (*Keddie, Nikki and Richard, 2006, p. 213*).

В 1991 году Ирак вторгается в Кувейт, Саудовская Аравия вынуждена просить помощь США, и начинается война в Персидском заливе, ознаменованная «Бурей в пустыне». Появление общего врага в лице Саддама Хусейна (Иран вел войну с Ираком с 1979 по 1989 гг.) позволяет найти точки взаимных интересов. Начинается экономическое сотрудничество, и политическое сближение. Но с 2003 года, после вторжения США в Ирак ситуация резко меняется, и эпоха десятилетнего спокойствия заканчивается. Маятник качнулся в сторону роста напряженности, после свержения режима Саддама Хусейна, а в разрезе религиозной карты – произошло устранение суннитского меньшинства от власти, в Ираке спустя долгое время приходит к управлению

страной шиитское большинство. Хусейн, несмотря на свою политическую карьеру в партии БААС, исповедовал ислам суннитского направления, и все ключевые должности в стране занимали сунниты. Шииты подвергались маргинализации и репрессиям десятки лет (*Nasr, 2007, pp. 150-152, 158*).

Сложившейся в 2003 году ситуацией в полной мере воспользовались иранские клерикалы, и стали активно проводить свою политику в Ираке, опираясь на шиитское духовенство. Это привело в 2005 году к образованию карательной армии Махди, и геноциду суннитского населения в Ираке (*Basu, 2020*). Саудовская Аравия стала поддерживать суннитов, и Ирак мгновенно превратился в арену очередного шиито-суннитского противостояния. Таким образом, в гареме одного из самых кровавых религиозных противостояний десятилетия стало зарождаться движение, а затем и полноценная террористическая организация известная под названием «Исламское государство» (ИГИЛ). Центральным костяком ИГИЛ стал офицерский состав саддамовской армии и партии БААС, которые избежали шиитских чисток после свержения режима Хусейна (*Porter, 2014*).

Если Иранская революция 1979 года была победой шиитского политического ислама, то Арабская весна 2011 года – суннитского. Поэтому не будет ошибкой назвать эти исторические события: революцией шиитов и революцией суннитов соответственно. Арабская весна открыла двери для суннитского проспекта «Братьев мусульман», которые воспользовались всеми партиями и социальными слоями недовольного многолетним режимом Мубарака населения в целях успешного вывода масс на площадь Тахрир в 2011 году.

Последствия Арабской весны по территории Ближнего Востока расползались стремительно, оказавшись терпкой закваской для опьяняющего фанатиков кровавого напитка религиозной войны. География горячих точек конфронтации непримиримых шиито-суннитских лидеров региона - Ирана и Саудовской Аравии взрывалась с невероятной силой – Сирия, Йемен, Ирак... К сожалению эти

многострадальные страны до сих пор являются местом выяснения отношений, как между мировыми державами, так и между прокси Ирана и Персидских монархий.

Вывод

Таким образом, при рассмотрении причин роста активности и значимости политического ислама становится очевидным, что исторически периоды упадка и кризиса в арабском мире сменялись подъемом исламизма с надеждой на возрождение веры с претензией к установлению исламского порядка. Современный исламистский активизм не уникален, он привлек внимание всего мира к исламу как к социально-политической силе и как к ответу на внешнюю политику Запада на Ближнем Востоке. Подъем исламистских партий в 20 веке — это реакция на широкий спектр внешне и внутренне политических, социальных и экономических проблем в арабском мире. Религиозность и бедность - идеальный коктейль для роста политического ислама, традиционно религиозное население во многих странах Ближнего Востока стало отчужденным и маргинализированным. Расширился экономический и социальный разрыв

между светскими и религиозными элементами, в таких условиях рост протестных настроений с трансформацией в политический ислам был неизбежен.

Неспособность светских диктаторских режимов реагировать на кризисы и вызовы современности не только поставила под угрозу легитимность государств, но позволила исламистам уверенно предлагать свою альтернативу политического бытия, особенно в случае «Арабской весны» в Египте и Тунисе.

Так, колониальная и постколониальная политика западных стран в конце 19-го и первой половине 20-го века, подъем национализма и социализма в 1950-1960-е годы, затем конкуренция между странами Ближнего Востока, такими как Саудовская Аравия и Иран после 1979 г., неоколониальная внешняя политика США на Ближнем Востоке после 11 сентября 2001 г. и дестабилизация региона после «Арабской весны» 2011 г. — все это значительно повлияло на рост потенциала религиозной идентичности и популярности политического ислама, радикализацию умеренных движений и на изменение геополитического арабского пространства в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Al-Rahim, A.H. (2011) Whither political Islam and the “Arab Spring”? *The Hedgehog Review*, 13(3), 8–22. <https://go.gale.com/ps/i.do?id=GALE%7CA273586406&sid=googleScholar&v=2.1&it=r&linkaccess=abs&issn=15279677&p=AONE&sw=w&userGroupName=anon%7E67022216>
- Basu, N. (2020) What is Mahdy Army? The group Iraqi Shia cleric wants to reactivate after Soleimani killing. *The Print*, January. <https://theprint.in/world/what-is-mahdi-army-the-group-iraqi-shia-cleric-wants-to-reactivate-after-soleimani-killing/345293/>
- Brown, L.C. (2004). *Diplomacy in the Middle East: the international relations of regional and outside powers*. I.B. Tauris, London.
- Bruno, G. (2008). Religion and Politics in Iran. *Council on foreign relations*, 2-3. <https://www.cfr.org/backgrounder/religion-and-politics-iran>
- Cleveland W. L., Bunton M. A. (2013). *History of the Modern Middle East*. Boulder, Colorado: Westview Press.
- Esposito J. L. (1992). *The Islamic Threat: Myth or Reality?*, Oxford: Oxford University Press.
- Euben, R.L. (2006). *The Oxford handbook of political theory*, London: Oxford University Press.
- Faksh, M. A. (1997). *The Future of Islam in the Middle East, Fundamentalism in Egypt, Algeria, and Saudi Arabia*. Westport, CT: Praeger.
- Keddie, Nikki R., Richard Y. (2006). *Modern Iran: Roots and Results of Revolution*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Kepel, G. (2009). *Jihad: the Trail of Political Islam*. London: I. B. Tauris
- Lapidus, I. A. (2002). *History of Islamic Societies*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Mandaville, P. (2007). *Global Political Islam*. Wiltshire: Antony Rowe Ltd.
- Marschall, C. (2003). *Iran's Persian Gulf policy: from Khomeini to Khatami*. Routledge, London.

- Mussalam, A. A. (2005). *From Secularism to Jihad: Sayyid Qutb and the Foundations of Radical Islamism*. London: Westport, Connecticut.
- Nasr V. (2007). *The Shia Revival: How Conflicts Within Islam Will Shape the Future*. Reprint ed. New York: W. W. Norton & Company.
- Pargeter, A. (2010). *The Muslim Brotherhood: The burden of tradition*. London: Saqi.
- Schimmel, A. (1980). *Islam in the Indian Subcontinent*. Leiden-Koln: E.J. Brill.
- Soltani, F., Amiri, R. (2010). Foreign Policy of Iran after Islamic Revolution. *Journal of Politics and Law*, Vol. 3, No. 2, September. <https://www.ccsenet.org/journal/index.php/jpl/article/view/6433>
- Tom Porter (2014). *Iraq war created Isis, concedes David Miliband*. IB times, August. <https://www.ibtimes.co.uk/iraq-war-created-isis-concedes-david-miliband-1460557>
- Wictorowicz, Q. (2004). *Islamic Activism: A Social Movement Theory Approach*. Indiana: Indiana University Press.

ТАЯУ ШЫҒЫСТА САЯСИ ИСЛАМНЫҢ ПАЙДА БОЛУ ЖӘНЕ ӨСУ СЕБЕПТЕРІ

Асқар БАТТАЛОВ, Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Мемлекеттік басқару академиясы Дипломатия институтының докторанты, Нұр-Сұлтан, Қазақстан, askar_2805@mail.ru

REASONS FOR THE EMERGENCE AND GROWTH OF POLITICAL ISLAM IN THE MIDDLE EAST

Askar BATTALOV, doctoral student of the Institute of Diplomacy of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan, Kazakhstan, askar_2805@mail.ru